

НИНА ПУШКОВА

Когда
возмездие
стучится
в дверь

Алмаз
Михаила Романова

Дочь спецагента

Нина Пушкиова

Алмаз Михаила Романова

«ЭКСМО»

2026

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Пушкова Н. В.

Алмаз Михаила Романова / Н. В. Пушкова — «Эксмо»,
2026 — (Дочь спецарента)

ISBN 978-5-04-256396-6

Великий князь Михаил Романов, брат последнего императора, получает от отца Александра III фамильное кольцо с легендарным алмазом, связанным с венецианским дожем и императором Павлом. В ночь на 12 июня 1918 года в Перми чекист Гавриил Мясников и его подчиненные вывозят князя из гостиницы под предлогом допроса и расстреливают в лесу. Мясников забирает кольцо, скрывая его от начальства... В 1998 году московская журналистка Ника, пытаясь выжить в кризисной России, получает задание снять сюжет о князе Михаиле для телепередачи. В Перми она знакомится со Светланой, внучкой старика — свидетеля событий 1918 года, и вместе они находят масонские символы, указывающие на тайник... Захватывающий детектив Нины Пушковой, автора знаменитого «Романа с Постскриптумом» и дилогии «Дочь поэта», актрисы, сценариста, члена Союза писателей, супруги известного политика и ведущего Алексея Пушкова. Роман, в котором все играют по-крупному, — так о 90-х не писала еще ни одна женщина! Правдивость, живой слог и яркая кинематографичность — эта книга обещает стать неоспоримым бестселлером!

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-256396-6

© Пушкова Н. В., 2026

© Эксмо, 2026

Содержание

Пролог	7
Часть первая. Убийство	10
Великий князь	10
Перед казнью	13
Наука ненависти	15
Бог не спасет	17
После расправы	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Нина Пушкова

Алмаз Михаила Романова

Редактор серии А. Антонова

© Пушкова Н. В., 2026

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

Пролог

Москва, ноябрь 1945 года

Он знал, что все это была ложь. Амнистия. Прощение. Родина ждет... Все это было обещано тем, кто, как и он, бежал из страны после революции. Он не поверил. Но поехал. Потому что больше незачем было жить, а там, где он был, не хотелось оставаться.

Арестовали его на аэродроме. У трапа. Даже дали попрощаться с небом. Здесь оно было другим.

Теперь он сидит в камере, слушает, как за стеной о чем-то спорят конвойные, и уверен: этой ночью его расстреляют. Нет, он не боится. Человек, который сам водил других на расстрел, не имеет права бояться. Но в груди, под ребрами, саднит что-то живое. Не жалость к себе. Не ненависть к ним. Другое.

Ему уже сообщили, что оба его сына погибли на войне. Жена сошла с ума и умерла в доме скорби. Все, что он строил, рассыпалось. Все, во что верил, пошло прахом. Есть только одна тайна. Один секрет, который он вывез из той, другой жизни. Который грел его в парижских мансардах, когда по ночам он кричал в пустоту. Который не позволил сойти с ума. И давал надежду.

Алмаз.

Тот, кто сейчас пьет чай в Кремле, знает, что был алмаз. Великие князья рассказали об этом на допросах в Петербурге – не устояв под пытками или перед посулами. И с тех пор Сталин искал его. Годами. Посылал людей. Перетряхивал архивы. Допрашивал тех, кто еще мог что-то помнить. Но не знал, что настоящий хранитель – он.

Сталин не получит алмаз. Никогда. Эта тайна умрет вместе с ним.

Это единственная победа, которую он еще может одержать. Не кровавая. Не громкая. Тихая, как смерть. Он унесет тайну с собой. Его история закончится здесь, в этой камере. На рассвете. С выстрелом.

А тайна – останется.

Крым, Ливадия

Ноябрь 1893 года

В день пятидесятилетия Михаила, своего младшего сына, Александр III позвал его к себе в кабинет. Кивнув на кресло напротив, он достал из ящика стола простую глиняную трубку и неторопливо набил ее табаком. Синий дым поплыл к портрету Павла I, под которым сидел император. Михаил догадался, что отец позвал его не на будничные разговор.

– Миша, я расскажу тебе одну историю. Давно это было. Еще в те времена, когда Русь наша только-только строилась, а где сейчас Петербург – одно болото было. Веке, почитай, в четырнадцатом.

В Венеции тогда правил дож по имени Бартоломео Градениго. Богатейший человек. Сила у него была большая. Венецианский флот полмира мог тогда завоевать. И вот пришли к нему рыцари из ордена Святого Иоанна – госпитальеры, так их называли. Им нужны были венецианские корабли, чтобы добраться до Египта. Это был Четвертый крестовый поход. Своих кораблей у них не было, но они могли за них заплатить.

Дождь рыцарей выслушал. Стал торговаться, а затем назначил такую сумму, какую они заплатить не могли. Но, поразмыслив, он вошел в их положение и согласился на их цену. А в благодарность иоанниты подарили ему перстень с огромным желтым алмазом – камнем, о котором ходили легенды. Принадлежал он когда-то, говорили, самому Карлу Великому – основателю Священной Римской империи. А затем волею судеб оказался у одного из магистров ордена Святого Иоанна.

Михаил слушал затаив дыхание.

– Не как плату вручили, заметь, – продолжил император. – А как знак союза. Мол, мы, правитель великой Венеции, память о твоём добре сохраним. А алмаз этот прими в знак нашей благодарности.

Дождь тот правил долго. А каждый год у них в Венеции праздник был – Обручение с морем. Выходил он в лагуну на своей золотой галере, бросал в волны кольцо и говорил: «Обручаюсь с тобой, море, во владычество вечное». Красиво, пышно, торжественно. Весь город с ним в море выходил. И в тот раз все было как обычно: тысячи барок, крики, толпы, музыка. Старик размахнулся, бросил кольцо... и тут же хватил себя за палец, на котором перстень иоаннитов носил... Пусто!

Представляешь? В суете – с болезни ли, от старости ли, но бросил он в лагуну не то церемониальное кольцо, что для обряда предназначено было, а свой заветный перстень – тот самый подарок рыцарей Святого Иоанна. Колыхнулась вода – и нет перстня.

Дождь, говорят, слег от расстройства. Послал ныряльщиков – нету. Молебен монахам заказал – глухо. Смирися.

И вот через месяц сидит он во дворце, тоскует. Вдруг стража докладывает: пришел рыбак, грязный, оборванный... Его прогнать хотели, но он не уходит – требует аудиенции. Дождь махнул рукой: пусть войдет, все равно с тоски помираю. Вошел рыбак, упал на колени, разжимает кулак. А в кулаке – перстень с алмазом. Тот самый!

Рыбак тот, видишь ли, сеть ставил на отмели, и попала в нее крупная рыба. Пришел домой, вспорол брюхо, а там – кольцо драгоценное. Обрадовался рыбак, а ему говорят: так то, верно, дождь потерял. И понес старик алмаз во дворец. Встал на колени, протянул кольцо и спросил: «Твое, господин?»

И тут дождя как осенило. Созвал он совет и говорит: «Море вернуло мне перстень. Это знак свыше, чтобы я его хозяевам отдал». И написал иоаннитам на Родос, там у них штаб-квартира была: «Ваш дар вернулся ко мне из пучины, и я понял: не мне его носить. Я земной человек, морская волна мне жена, а этот перстень – он свыше. Вы воины, вы скитальцы, страдалицы за дело Христово. Пусть этот перстень хранит вас там, где вы обретете дом».

И вернул перстень.

А иоанниты потом, через две сотни лет, теснимые османами, с согласия европейских монархов на Мальте осели и стали называться мальтийскими рыцарями. И хранили алмаз как зеницу ока. Еще бы, само море им его вернуло! Алмаз стал у них чуть ли не главной реликвией. А когда Наполеон, антихрист, их с Мальты погнал, они к нам в Россию пришли. К твоему прапрадеду Павлу Петровичу.

Император глубоко затянулся трубкой, и облако сизого дыма создало загадочный, туманный ореол на портрете Павла. Казалось, он внимательно прислушивался к Александру.

– Павел, глубоко чтивший рыцарство, принял их как братьев. Вступил в орден и согласился стать его магистром. А они, мальтийцы, в благодарность и в знак того, что не было у них больше земли своей, а приютила их только Россия, поднесли ему этот алмаз. Мол, владей, магистр. Ты – наша новая Мальта.

Александр III замолк и внимательно посмотрел на сына.

– Так-то, Миша. Так что кольцо это помнит и Карла Великого, и Венецию – владычицу морей, и рыбака, выловившего его со дна морского, и дождя того суеверного. И Павла, конечно,

и меня – всех, кто его хранил. И тебя, выходит, запомнит. Передаю я его тебе как уже нашу семейную реликвию. Береги его, Миша. Вот уже сто лет его новой Родиной стала земля наша русская. Пусть так оно и будет.

Михаил смотрел на отца огромными от волнения глазами. Для него Александр III был не просто император, он считал его русским витязем, былинным богатырем. Получение подобного дара от такого отца было как посвящение во взрослую жизнь.

– Государь... отец... Я... я не нахожу слов, – взволнованно заговорил он. – Я думал, вы позвали меня, чтобы говорить об офицерской службе или учебе. Но это... это пришло из глубин истории... И теперь вы доверяете хранить его мне!

У себя в комнате, с сильно бьющимся сердцем, Михаил поднес кольцо к самому лицу. Тяжелое золото, древнее, с едва заметной вязью по тонкому ободку – то ли буквы, то ли узор, что-то восточное или скорее староитальянское. Но главное – камень.

Это был великолепный алмаз. От него исходил не тот холодный блеск, к которому он привык, видя бриллианты матушки или сестер на балах. Нет, его сияние было теплым и лучистым. Алмаз был крупным, чуть вытянутым, ограненным старинной «розой» – не россыпью острых граней, а гладкими, словно дышащими плоскостями, похожими на застывшие капли воды. В глубине его будто струился легкий, едва уловимый туман. При тусклой свече он казался сдержанным, почти скромным. Но стоило чуть повернуть его к свету...

Михаил подошел к окну. Солнце Ливадии – щедрое, еще не остывшее после лета, – заливало комнату потоком золота. Он повернул кольцо, подставляя камень лучам.

И комната засияла искрящимися брызгами.

Это нельзя было назвать просто блеском. Алмаз вспыхнул. Из глубины его, из самой сердцевины, где таился тот самый молочный туман, вырвался сноп света. И тот был не белым и не беспощадным, как электрическая дуга. Он был живым, теплым, искристым.

По потолку и стенам заплясали зайчики, словно напившиеся цветом самого камня. В них чудилась игра: то холодный голубой отблеск, будто отсвет лагуны, то теплый янтарный – словно вино в венецианском бокале, то вдруг алый – как знамена мальтийских рыцарей на флагштоках галер. Бриллиант не просто отражал свет – он переплавлял его, превращая в магический фейерверк.

На миг Михаилу показалось, что вся комната поплыла. Позолота на раме иконы в углу засияла ответным огнем, хрустальная люстра под потолком отозвалась тихим звоном, а пылинки в солнечном луче закружились в бешеном хороводе, словно празднуя возвращение хозяина.

Сам камень в это мгновение перестал быть просто минералом. Он смотрел на Михаила. Из глубины его, сквозь игру света, проступали очертания – то ли парус далекой галеры, то ли лик старика в короне дожа... Может, просто игра воображения.

Михаил зажмурился. Когда открыл глаза, свет угас, оставив после себя лишь приятное тепло в пальцах, сжимавших кольцо. Зайчики исчезли, комната стала прежней – уютной, привычной. Но ощущение чуда осталось.

Он перевел дыхание и снова взглянул на удивительный алмаз. Тот, скромно поблескивая, ощутимым грузом лежал в его ладони. Только в самой глубине его таилась всегда готовая проснуться искра.

– Так вот ты какой... – прошептал Михаил. – Рыбак тебя из пучины выловил, венецианский дож носил, рыцари берегли, мои великие предки хранили... А теперь ты у меня.

Он сжал кольцо в кулаке и почувствовал, как холодок металла сменяется ровным, спокойным теплом. Словно камень узнал его руку и согласился ждать. Надевать перстень или нет, он еще не решил. Но расставаться с этим ощущением тайны, с этим солнечным взрывом, спрятанным в кулаке, он уже не собирался никогда.

Часть первая. Убийство

Великий князь

Пермь, май 1918 года

Начало мая 1918 года было необычайно теплым и ласковым. За зиму люди намерзлились в своих стылых квартирах, позеленели от недоедания и отсутствия освещения – новые власти не слишком заботились о бесперебойной подаче электричества. Перебивались свечами, буржуйками, керосинками – кто чем мог, тем и спасался. В частных домах, где имелись запасы сушеных грибов, ягод и рыбы, зимовать было легче. Пермь с надеждой ждала весны и конца власти большевиков.

И вот, когда изрядно удлинился день, а тьма плавно перетекла в сумерки, предвещая приближение белых ночей, когда внезапное майское тепло позволило распуститься первоцветам – кустам форзиции – и образовало нежно-зеленый контур на городских деревьях, все живое потянулось на улицу. Горожане сидели группами и в одиночку перед театром в сквере. Толпы заполняли Козий загон. Это место на высоком берегу было особенно любимо пермяками. Еще бы! Отсюда была видна широкая Кама, сияющие под солнцем купола кафедрального собора, лес на другой стороне реки, принимающий от воды и небес голубоватый оттенок... И даже заводские трубы далекой от центра Мотовилихи смотрелись романтично и напоминали корабельные мачты.

Видный пермский большевик, член ВЦИК Гавриил Мясников, по-простому Ганька, вез свою жену Дарью к пристани. Он ласково звал ее Доник. Ехали они в фаэтоне с кожаными сиденьями и мягкими рессорами. Мясников очень гордился, что фаэтон, как личное авто, всегда был в его распоряжении. Остановились на набережной. Еще год назад жизнь здесь кипела. Раньше набережная была вся в загруженных, полных людей причалах губернского пароходства, с яхтами из речного яхт-клуба, лодками, шлюпками, шитиками – все это пестрело, двигалось, жило. А как иначе: пермские реки – кормилицы. Но после революции все это как ветром сдуло. Вот и сейчас – стояло всего несколько старых лодок. Мясников выбирал, на какой из них переплыть на правый берег, где стояли высоченные сосны-великаны, белел чистый речной песок, даже лосей непуганых можно было встретить. Здесь новое пермское начальство любило маевки проводить, пикники устраивать.

Ганька уже приготовился сесть в лодку, как вдруг заметил на набережной странное собрание. Он увидел небольшую толпу из женщин, богомольных старушек, среди них стоял и облаченный в рясу священник. Они окружили высокого, видного мужчину в легком светлом плаще и шляпе, что-то ему протягивали, о чем-то расспрашивали. Но внимание чекиста больше привлек бледнолицый священник, одетый в черное. Мясников вознегодовал. Ведь он лично написал и велел на всех церквях города развесить объявления: «Служителям культа не носить спецодежду за стенами церкви!» Вот ведь народ! Позакрывать надо их богомольные гнезда к чертовой бабушке! Неизвестно еще, о чем они там говорят, на что народ подбивают! И кто это среди них – тот высокий, в плаще?

И вдруг его как молнией поразило! Он узнал этого человека, припомнил, что видел статью с фронта и его фотографию в газете. Ну конечно же, царский генерал, да какой генерал, бери выше – родной брат царя, великий князь Михаил! Но там, на фото в газете, он был одет в черкеску, которая на нем сидела так красиво, просто на зависть. И окружали его тоже brave

красавцы-офицеры. И вот, спустя три года, уже в Перми перед ним в легком плаще и широкополой шляпе стоял тот же человек!

Как же он пропустил такую новость? Ганька даже на пикнике расхотел оставаться. Быстро перевез жену на правый берег, выгрузил мешок с провизией, дотащил все до своих товарищей и, сказав: «Доник, ты будь здесь... Я скоро!», заторопился в ЧК.

План в общих чертах созрел быстро. Вот так оказия, вот так случай в его сторону приплыл! Ликование было трудно унять! Тут не только прославиться, тут можно свое имя в историю вписать!

Гавриил Мясников любил покрасоваться. Войдя в свой кабинет, он уже предвкушал, как вечером скажет жене своей: «Ну что, Доник, думала ты, когда замуж выходила, что будешь жить с исторической фигурой?!»

«Шебутной ты у меня», – ласково ответит она и положит голову ему на плечо. Они были одного роста.

«Запомни этот май восемнадцатого года, голуба! Знай, что отныне ты живешь с исторической личностью. Все тебе завидовать будут!»

Да, Гавриил Мясников всегда был позером – тщеславным, самолюбивым, говорливым. За то, что убил еще в 1905 году по молодости и по дурости своей двух жандармов, он на два с лишним года был отправлен на каторжные работы. Царский режим был либеральным: Ганька с товарищами потом смеялся и издевался над таким правосудием. Все большевики, и главари, и рядовые, часто бежали из тюрем и ссылок. Вот и Мясников утек почти сразу с царской каторги, а арестантскую робу прихватил как сувенир. А когда власть зашаталась окончательно, он из мешка достал арестантскую полосатую фуфайку и из нее не вылезал. Выступать в ней очень любил.

Бывало, вскочит на заводском дворе на табурет и давай пролетарскую речь толкать. Ему – крикуну и говоруну – это нужно было как хлеб. Подставит себе под ноги ведро или ящик, чтобы выше казаться, и давай мутить рабочих. Особым своим соперником он считал большевика Сашку Борчанинова. И особенно невзлюбил его Ганька за то, что у Сашки куртка была студенческая, с начищенными до блеска медными пуговицами.

Студентов и интеллигентов Мясников ненавидел и презирал. И однажды открыто заявил: «Ты мой враг, Борчанинов!» Он даже своего наставника по партийной борьбе – Якова Свердлова – и того, если уж говорить о митингах, втихую считал слабее себя. Тот рабочих не понимал. Один из псевдонимов Свердлова был Андрей Уральский, иной раз он себя даже Пермским называл, чтобы стать ближе к уральским рабочим. Но куда ему было до Ганьки!

От природы неряшливый, Мясников всегда был одет в какие-то обноски. И тем, кто приходил его слушать, это нравилось. «Свой мужик – правильно говорит!» – поощряла его толпа. А призывы у Ганьки всегда были ломовые: «Признать Государственную думу контрреволюционной!»

А над чистюлей Яковым Михайловичем рабочие втайне потешались: вечно настороженный, оглядывается постоянно, будто за пазухой адскую машинку носит. К тому же интеллигент, пенсне вот-вот слетит с носа... Нет, не соперник Мясникову Свердлов, хоть и косоворотку носит. Не раскачал бы он Пермь без Ганьки. Настоящих пролетариев для бузы мало было – бастовать пермские рабочие не хотели, жили неплохо, чего им бузить. От добра добра не ищут. Если бы не Мясников, Пермь так бы и осталась не охваченной революционным движением.

И сейчас он негодовал: как это?! Михаил Романов, последний русский царь, оказался в Перми, а от него, Мясникова, это скрыли! И узнал он об этом случайно!

Сапоги его грохотали по крашеному полу здания ЧК, будто он нес с собой весь шум пермских улиц, весь пар, что клокотал в заводских котлах. Он влетел в кабинет начальника ЧК без стука. Лицо красное, глаза горят, ворот рубахи расстегнут.

– Ты что же, контру здесь пестуешь?! – рявкнул с порога, даже не поздоровавшись. – Или совсем мышей ловить разучились? У нас под боком царь разгуливает! Со свитой!

Начальник ЧК, грузный мужчина с усталым мятым лицом, оторвался от бумаг. Он знал Мясникова – горячая голова, но мужик толковый. Резкий, злой, но такие и нужны революции. Уважал он его.

– Ганька, ты чего орешь? – осадил спокойно.

– Чего ору?! – Мясников подскочил к столу, ударил кулаком. – К нам в Пермь самого Михаила Романова привезли! Все бабки богомольные к нему ломятся как к наместнику бога на земле! И не только старухи! Он же знаменем всей контрреволюционной сволочи станет! Мы же здесь мятеж получим, понял?!

Начальник откинулся на спинку стула, потер переносицу.

– Ильич, не кипятись. В курсе я, что Романов здесь. Недавно его сюда переправили. На свободное проживание, понял? Это приказ из Москвы. Охранная грамота у него, самим Бонч-Бруевичем подписана.

– А Ленин в курсе?! – Мясников навис над столом, голос его взлетел до визгливой ноты. – А Свердлов в курсе?!

Начальник помолчал. Вдохнул:

– Видать, да. Раз приказ такой.

– Понятно! – Мясников отшатнулся, прошелся по кабинету, хрустя пальцами. – Руки пачкать не желают! Чистенькими хотят в глазах международной общественности остаться!

– Ганька, ты это... полегче.

– Полегче?! – Мясников остановился, в упор посмотрел на начальника. – Слушай сюда. Принимай меня своим заместителем. Сейчас заявление оставляю. За ним глаз да глаз нужен. Потому что случись что – шкуру снимать будут с тебя и с меня! Не с Москвы. С нас.

Начальник ЧК усмехнулся, но в глазах его мелькнуло одобрение.

– Думаешь, я сам не понимаю? – тихо сказал он. – Давай, пиши, Ганька. Действуй. Но смотри без самовольства. Москва нам указала – наблюдать, не трогать.

– Понаблюдаю, – процедил Мясников. – Не беспокойся. Я его стеречь буду. И днем и ночью.

Он повернулся и вышел. Дверь хлопнула так, что в соседней комнате звякнуло стекло.

«Да, революция победила, – думал Ганька. – Но маятник вполне может еще качнуться обратно. И тогда... Михаил станет знаменем контрреволюции. И тогда опять – преследования, как в 1905-м, каторга, побои...»

Позднее он записал свои мысли: «А это означает, что вековая тяжба между угнетенным трудом и поработителями, получившая свое завершение в Октябрьской революции, вновь даст победу эксплуататорам. Через реки и моря крови рабочих и крестьян, через годы трупов придет к торжеству шайка поработителей. И, помимо той драгоценной крови трудящихся масс, которая была пролита до Октября, помимо той крови, которая льется в защиту Октября, будет пролита еще и еще кровь десятков тысяч тружеников».

Ради спасения революции Михаила Романова надо было убить.

Перед казнью

Несмотря на вспыльчивость и импульсивность, свойственные его характеру, к делу Мясников готовился обстоятельно. Заранее. Казалось бы, все уже было продумано до мелочей, действуй спокойно, но нет – предательское волнение завладело им с вечера перед ночью казни. Когда он после ужина пил чай, то от мысли, что роковая полночь приближается с каждой минутой, сжал челюсти так, что не заметил, как откусил край граненого стакана. Опомнился только тогда, когда стекло захрустело на зубах.

«Черт, хорошо, что хоть язык не изрезал!» – разозлился он, вытирая кровь с подбородка в затхлом туалете местного ЧК. В ЧК он перебрался недавно – только для того, чтобы единолично руководить убийством. Ганька вновь чувствовал себя подпольщиком: ведь приходилось скрывать замысел от своих, от соратников. Ему очень хотелось приписать всю славу от убийства брата царя себе: все, все самостоятельно продумал, все самолично организовал!

Историю, которая навеки определит судьбу огромной страны, вершит сейчас он – Гавриил Ильич Мясников. Потомки еще долго его будут помнить: улицы его именем станут называть, а может, и города, памятники ему поставят, как и другим вождям. А чем он хуже их? Вон Ленин по поводу судьбы Романова молчит. И Свердлов молчит. Так что, выходит, именно ему, Гавриилу Мясникову, историческое революционное дело вершить придется.

От этих мыслей он вновь возбудился и решительно вышел на улицу. Было еще светло, но резко посвежело. Белые пермские ночи позволяли все видеть без подсветки, хотя фонари кое-где уже горели. Распустившаяся свежая зелень, запах близко протекающей большой реки действовали успокаивающе. До полуночи – а чекисты любили арестовывать в полночь – было еще минута сорок.

Гостиница, где проживал младший брат царя Николая II, была в нескольких шагах от здания ЧК, поэтому Ганька пошел не вниз по улице, а вверх, к реке, к Капе. Он вдруг поновому увидел город. Его Пермь – это Мотовилиха, рабочий район, где русские промышленники совместно с братьями Нобелями построили огромные военные заводы – лучшие в империи. Рабочие там хорошо зарабатывали, для них, наиболее грамотных, в домах из красного кирпича с фигурной кладкой строились квартиры. Некоторые с семьями строили себе собственные небольшие дома. Как же трудно их было раскачать на революцию!

Бывало, прокламацию или листовку сунешь – почитай, мол, правду про кровопийц знаешь будешь! Так выбрасывают, как мусор, не читая. На маевку зовешь, выпивкой заманиваешь, – не соблазняются, отмахиваются, говорят, болтуны вы там и пустобрехи.

Бузу устроишь, ну, стачку, там, митинг какой, – не идут во двор, хоть ты тресни. Приходилось кидать в них тяжелые металлические гайки, чтобы из цеха выгнать. Шутка ли сказать, самого товарища Свердлова побили и в полицейский участок оттащили, когда он за революцию агитировать приехал!

Он пошел к реке. Кама тяжело дышала, отдыхая от трудового дня. Река меняла цвет ежечасно: от небесно-голубого до свинцово-серого, почти черного. Сейчас она была похожа на стальной клинок, поблескивающий холодным светом под луной.

Подождал к собору Петра и Павла, кресты которого тускло блестели в лунном свете. С Церковью у Мясникова были особые счета. «Деяние апостолов» – так он и назвал свою первую книжку, недавно вышедшую в Мотовилихе. Подойдя к церкви, он смачно сплюнул. Христа он уважал, а вот Церковь как институт считал шайкой разбойников, про это и написал. Его собственные счета с Богом только начинались.

Мясников шел по Сибирской и смотрел на каменные дома, которые успели построить разбогатевшие горожане. Он знал, что многие из них уже пустуют – их владельцы уехали. А в

губком, как сокращенно называли губернский комитет партии, срочно выписывали ордера на квартиры в этих домах партийным товарищам.

Впрочем, многие наивные пермяки не уезжали – даже те, кто мог. Оставались на своих местах, считали, что старые добрые времена со дня на день вернутся, революционный хаос закончится, да и вины они за собой никакой не чувствовали. И не знали, какую судьбу готовят им новые власти – те, кого они считали босотой и бездельниками.

«Они все и за всё должны ответить!.. – распалялся Мясников. – Почему одним все, а другим ничего?!» Он остановился на секунду у дома купчихи Любимовой. Затеяливые вензеля лепнины возбудили в нем новый приступ ненависти: «Вот куда ушли народные деньги, вот на какие чечки¹ понастроили всю эту ерунду ненужную!»

Мясников дошел до дома Дягилевых на углу Сибирской и Большой Ямской. Этот одноэтажный особняк в казармы превратили, и правильно, а то ишь, одна семейка в стольких комнатах проживала! А когда на Покровской проходил мимо особняка купцов Грибушиных, а с фасада здания на него взирали искусно отлитые гипсовые женские лица, то решение отомстить тем, кто воплощал в себе ненавистную прежнюю эпоху, пронзило все его существо. Кто-то из рабочих рассказывал Мясникову, что эти маски на фасаде здания – лица жены и дочерей купца Грибушина. Он даже остановился и, глядя на них, вслух произнес: «Гадины, поплачете вы у меня все. За все ответите!»

¹ Так на Урале называли деньги.

Наука ненависти

Невысокого роста мужчина, одетый во все черное, почти неразличимый в темноте гостиничного коридора, стоял у бокового окна на третьем этаже «Королевских номеров». Он боролся с охватившим его нервным возбуждением и даже не замечал, как громко хрустит костяшками пальцев, перекрывая шум и потрескивание паровых батарей, которые вновь включили по просьбе постояльцев, несмотря на то что была почти середина июня. Как же ненавидел он все эти царские капризы! Батареи летом ему включите, дозвольте приехать жене, пришлите извозчика отвезти в больницу заболевшего поваренка... И все ведь делают для него, недобитого эксплуататора. Из центра товарищ Бонч-Бруевич даже депешу прислал: «О свободном проживании в Перми бывшего великого князя М. А. Романова».

Ну все, конец близок, совсем рядом! Кирдык князю, помазаннику божьему. Душа Мясникова не испытывала радости, но злорадное торжество было. И нравилась собственная роль. Его, Ганьку, не обманет пролетарское чутье: закончится нынче свободное проживание бывшего великого князя. Он, как зверь, чувствует все. Ждут этого от него, команды не дают – ни Ленин, ни Свердлов, но ждут, что он сам все управит! Да и кишка интеллигентская тонка. Здесь злость нужна! Пролетарская ненависть требуется. Недаром же Свердлов все время твердил про науку ненавидеть.

Да и всего ж полгода как к власти прорвались. Ненадежно все. Надо так запугать всех, чтоб каждого шороха люди шугались! Он даже наизусть выучил и все время повторял слова Михаила Бакунина, которые услышал от Свердлова: «В революционере должны быть давлены чувства родства, любви, дружбы, благодарности и даже самой чести. Он не революционер, если ему чего-нибудь жалко в этом мире. Он знает только одну науку – науку разрушения».

Вот это правильные слова! Так и надо! И гостиницу эту тоже надо разрушить. А то настроил этот купчина-кровопийца Васька Королев богатых домов в городе... И называл-то как – «Королевские номера».

Имя свое обессмертить хочет, гнида ползучая. Подожди маленько, я лично тебе устрою номера, чтоб кровью в них харкал. Ганька еще покажет себя, скоро! Тогда и Ганькой перестанут кликать. И Ленин, и Свердлов, и этот Королев... Да много их будет, кто уважительно, а кто и умоляюще будет его Гаврилой Ильичом величать.

Пусть все боятся его – Мясникова. Будут бояться, куда они денутся. А то ишь, моду взяли – клички раздавать. Недавно совсем обнаглели: Петрушкой меж собой его называть стали. Из-за носа, что ли, вечно текущего? И бабы его долго не любили: «Потом воняешь, Ганька, одежду постирай!» Но это он поправил – теперь в чистой ходил. Доник за этим следила. А еще и настоящей кожанкой разжился – и стал кум королю: удобно, тепло, не продувает, да и вши в кожанке не водятся. Надо бы теперь не только тужурку, но еще и пальто кожаное выпросить. Тогда можно и Сашке Борчанинову не завидовать...

«Нет, я за эту власть, что мне все дала, глотки живьем грызть буду. Недаром вон в газетенке у попилов, “Тобольская патриархия” называется, написали про меня: “Зверь в образе человека, кровавый палач большевистского застенка”. Да, Зверь – оно лучше, чем Петрушка и Ганька».

Окончательное решение насчет князя Мясников принял после его допроса. Уж очень хотелось в глаза великому князю посмотреть. Мясников вызвал его в ЧК. Князь пришел в том же длинном светлом плаще, в котором ходил по городу. Он был очень высок и держался прямо, почти с неестественной выправкой. Когда он остановился перед столом, глядя поверх головы Мясникова куда-то в стену, разница стала почти карикатурной: гигант и пигмей. Но пигмей сидел. А гигант стоял.

Мясников даже не взглянул в бумаги перед собой.

– Ну что, гражданин Романов? Признаете советскую власть? Или играете роль спасителя человечества?

Михаил медленно перевел на него взгляд. Посмотрел не сверху вниз, а как бы изда- лека, словно разглядывая нечто мелкое и не слишком приятное. В его глазах не было страха. Там была усталая брезгливость. Брезгливость ко всей этой бессмысленной кутерьме, к этому выскочке в кожанке, к самому себе, застрявшему в этом городе.

Он сказал тихо, отчетливо, с легкой хрипотцой в голосе:

– Я вот подарил народу свободу. А народ... меня в ЧК вызывает.

Это была не жалоба, не попытка оправдания. Это был приговор. Приговор всему – надеж- дам, иллюзиям, истории длиной в триста лет. И самому себе. Михаил увидел в глазах вызвав- шего его чекиста не гнев, не возмущение. Нечто более страшное – полное равнодушие. Глаза превратились в две черные пуговицы на каменном лице.

– Свобода не дарится, гражданин. Она завоевывается. Революцией, – отрезал Мясников, отводя взгляд. – Все. Можете идти.

Это было 7 июня. Сейчас, пять дней спустя, эта сцена, когда он в первый и последний раз говорил с Михаилом, вновь всплыла в памяти Мясникова.

Но тут этажом ниже хлопнула дверь, и чей-то голос рявкнул на весь этаж: «Никому не выходить, будете арестованы!» Минутой позже отдаленно стукнула нижняя тяжелая уличная дверь, и два человека – один высокий, в светлом плаще, другой пониже, в темном пальто, вели- кий князь и его неизменный помощник Джонсон, – окруженные, как вороньем, несколькими людьми в черных одеждах, загрузились в два стоящих внизу крытых фаэтона, запряженных лошадьми.

Бог не спасет

Пермь, ночь с 12 на 13 июня, 1918 год

Все пряталось и исчезало в утреннем уральском тумане: одинокие дома, едва различимые темные кладбищенские часовенки, погосты за деревянными заборами. И все-таки это были картины жизни – последние картины. И великий князь Михаил, пробывший императором только день, а затем отказавшийся от престола, с предельной ясностью осознал, что где-то здесь, совсем-совсем скоро он встретит свою смерть от людей, сидящих напротив него в тоскливо дребезжащем фаэтоне.

Они не спускали с них глаз – с самого князя и сидевшего рядом Джонсона. У одного из чекистов – низкорослого мужчины, достававшему Михаилу до подмышки, – в руке был тяжелый парабеллум. Одет он был в черную кожаную тужурку. Короткие ноги в черных сапогах, голенища которых полностью закрывали его колени, вытянул вперед. От сапог нестерпимо пахло дегтем.

Было странно видеть морское офицерское оружие с длинным стволом в его короткопалой руке.

Князь Михаил любил и ценил оружие. В первые годы мировой войны он вместе с князем Дмитрием Багратионом командовал «Дикой дивизией». Эта кавалерийская элитная часть русской армии включала двенадцать казачьих войск и шесть полков, состоящих из горцев Северного Кавказа и степных наездников Туркестана, с детства владевших оружием и любивших лошадей как собственных детей.

Князь Михаил любил своих «туземцев», и они отвечали своему командиру тем же. Он помнил, как после победы в сражении против австрийков он проводил во Львове смотр своего войска. Весь город сбегался посмотреть на это невиданное по своей красоте зрелище: орлы Кавказа проезжали на чутких к малейшему движению наездника точеных лошадях. Всадники – в красивых черкесках, в ярко-алых башлыках, молодые, гибкие, как лоза, полные гордости, мощи и отваги, – не смотрели на толпу. Их сияющее золотом и серебром оружие бросало блики на накинутые на плечи длинные башлыки, которые были похожи на сложенные ангельские крылья.

Князь Михаил вспомнил, как прочел в одной из австрийских газет, что русские ведут из глубины Азии какую-то неведомую, страшную силу – орду из всадников в огромных мохнатых шапках, а за плечами у них черно-белые крылья, и они едят младенцев.

Высокий, атлетически сложенный, закаленный фронтом и армией, стальными пальцами своими рвавший нераспечатанную колоду карт и гнувший монеты, он с неприязнью смотрел на оскверненное оружие. Рукоятка благородного цвета палой листвы, сделанная из древесины грецкого ореха, была замызгана почти до черноты. Затворный механизм покрыт пылью и грязью. В этот момент другой сопровождающий протянул руку к пистолету и коротко сказал: «Дай». Князь успел увидеть знакомую выгравированную надпись на латинском языке «*Para bellum*», что означало «Готовься к войне». А для него этой ночью все кончится: и мир, и война, и сама жизнь. Смерть в тридцать девять лет! Не на фронте, не от ранения – как же так?! И никто не спасет, не придет на помощь. Где его любимые отважные горцы, хотя бы один!..

Он не боялся смерти, даже был готов к ней. Но все дни, что он прожил в Перми, на донушке его души жила надежда: буду спасен! Бог поможет, Бог управит! И не знал великий князь, что горцы после отречения его брата от престола были расформированы, многие уехали на Кавказ.

Разброд и шатание царили среди разобщенных офицерских соединений. И произошло все это после его собственного отречения от короны, фактически от страны, когда многие посчитали, что он умыл руки! После этого он стал никому не нужен. Он даже мешал всем!

Да, да, именно мешал. Впервые эта мысль стеганула его пару месяцев назад. Господи, воистину неисповедимы пути твои, и слаб человек, и сильны бесы! Ну зачем, зачем, что его попутало, какие надежды обуревали его, когда он сменил свою родовую фамилию на фамилию жены, стал Брасовым, надел на пальто красный бант и вышел после месячного заточения в Гатчине на улицы Петербурга. Многое открылось сразу же – уже тогда!

Его поразил быстро пришедший в упадок город с кучами мусора во дворах и скверах. Были заколочены окна знакомых кафе и магазинов, а те, которые не успели закрыть досками, были разбиты и разграблены, и было слышно, как внутри гудит и гуляет ветер. По Невскому проспекту летали разодранные коробки, засаленная драная ветошь норовила зацепиться за ноги одиноких прохожих. Дворников нигде не было видно, встретился только один. На вокзале в Гатчине Михаил стал свидетелем сцены, когда начальник станции, указывая на грязь, отчитывал дворника:

– Что же ты, шельма, неделями мусор копишь на платформе?!

На что тот лишь оскалился в ответ:

– Чего вы хотите? Слобода таперича! Слобода – она для всех!

Как же так, как же допустили они до этого? Как же не увидели того, что очень ясно и просто сказал им необразованный извозчик на вокзале: «Теперь народ, как скотина без пастуха, все перегадит и сам себя погубит...»

Как же этот неграмотный простой человек сразу увидел все то, чего не видели и даже вообразить не могли все эти депутаты, профессора, поэты, интеллигенты, адвокаты и прочие с красными бантами на груди – все, кто вдохновенно приветствовал революцию, даже не представляли, даже помыслить не могли, что они приветствуют своих похоронщиков.

Своего похоронщика Михаил Александрович увидел, когда был вызван на допрос в Пермскую ЧК. Он пришел в провонявшую махоркой комнату, где сидел за столом маленького роста усатый брюнет. Второго стула в комнате не было. Сделано это было, наверное, умышленно, чтобы вошедшие сразу осознавали свое подчиненное положение. Чекист не поздоровался, а, оторвавшись от бумаг, недовольно спросил:

– Скажите, гражданин Романов, вы, кажется, играете роль спасителя человечества?

Михаила возмутил и вид этого хозяина жизни, и развязная поза, и тон. И он раздраженно ответил:

– Да, я вот подарил народу свободу, а он меня в ЧК приглашает...

Черные глаза брюнета, как два дула, смотрели на него в упор.

– И будет приглашать. Я вам приказываю приходить сюда каждый день на отметку. А теперь распишитесь в явке, и будете свободны.

После этого минутного «допроса» Михаил понял, что дни его жизни сочтены. Но душа его скорбела не только от понимания близости кончины. Нет! Горько и тяжело было осознавать свою вину и ответственность за все, что стало со страной, чему все попустительствовали: и мягкотелое либеральное дворянство, и военные, не сумевшие остановить надвигавшееся бедствие, и промышленники, тайно подкармливавшие революционеров в надежде, что удержат их под своим контролем.

«Но больше всех мы виноваты! Мы, – подумал князь Михаил. – Романовы – помазанники Божьи. Ведь Господь на нас возложил ответственность за державу, за судьбы миллионов людей! Царский венец – не украшение, это и испытание, и ежедневный труд, и экзамен перед Богом и предками, веками работавшими на славу и укрепление государства Российского. И это – возмездие...»

А затем все мысли исчезли. Осталось лишь жуткое, переворачивающее все нутро ожидание неизбежного. Великий князь Михаил всматривался в светлую июньскую ночь. Но она казалась ему черной – чернее ада.

В том, что их везут на казнь, у Михаила сомнений не оставалось. Он взглянул на часы. Была полночь. Золотой корпус его часов блеснул в свете полной луны, которая безразлично освещала землю со всеми драмами, трагедиями и надеждами живущих на ней людей. Сопровождавший Михаила расстрельщик хищно посмотрел на блеснувший предмет. Было понятно, что через час часы осядут в кармане у этого человека. И Бог не спасет!

После расправы

Домой Мясников вернулся глубоко за полночь. Светлая июньская ночь быстро превращалась в серое утро. «Надо ехать в Москву! – обожгла возбужденная мысль. – Только гавриков допрошу: кто стрелял, как вел себя царский брат перед смертью, не было ли осечек и все прочее, для подробного доклада Свердлову». Спать ему не хотелось – важно было припрятать шкатулку с драгоценностями из царского номера, которая тяжело оттягивала широкий карман кожаной тужурки.

Уже в коридоре квартиры Ганька учуял густой запах наваристого борща, от которого свело кишки. Он вспомнил, что за весь прошедший день выпил всего лишь два литра свекольного квасу, на котором Дарья собиралась варить борщ, да чаю с сушками у себя в кабинете. Не снимая куртку, он метнулся к плите и половником стал черпать прямо из кастрюли красную гущу острого борща.

– Совсем одичал со своей работой, – услышал осуждающий сонный голос жены. Она тихо появилась и полезла за тарелкой. – Скиснет все, сними куртку.

– Не надо, Доник. Сам.

Глотая на ходу, он дернулся в дальнюю комнату, достал чемодан и на его дно, укутав в старую рубаху, чтобы не звенело, положил шкатулку и запер замки. Те на чемодане Мясникова были с секретом: чтобы защелкнуть намертво, надо было в открытом виде сделать два коротких нажатия на кнопки, которые давили внутренние пружинки. Та же процедура требовалась и при открытии. Жена злилась, что чемодан сразу открыть нельзя. «Заедает все время», – жаловалась она Ганьке. А он с довольным видом все «исправлял». Теперь шкатулка была в надежном месте.

Успокоившись, он отправился доедать борщ, который Дарья успела согреть и вылить в огромную миску. Рядом лежала большая лепешка из ржаной муки. Мякиш ее слегка лип к зубам – оттого, что мука была разбавлена клейстером. Доник не переставала возмущаться:

– Хлеб с клейстером – это и есть ваша революция?!

– Не понимаешь ты, Доник, революционного смысла, – с улыбкой упрекал Мясников жену.

– Для меня смысл в том, чтобы детей и тебя накормить, а не в том, чтобы вы клей лопапи и кишки себе сломали. Где и когда это видано, чтобы так голодно было? Чтобы людей пачками расстреливали? В этом твой революционный смысл?! Ты начальник, ты в ответе! – напирала жена.

Но Мясников, нахлебавшись борща, вдруг почувствовал такую усталость, что едва дошел до постели и прямо в одежде рухнул на кровать. Перед тем как провалиться в сонное небытие, он пообещал жене, стягивающей с него сапоги и брюки: «Разберемся, Доник, со всеми...» И не договорил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.